

УДК 882:378.147.34

**МИСТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ В ЛИРИКЕ
И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА**

Саркисов Александр Исаакович

доцент

Кудрявкин Сергей Серафимович

доцент

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация. Предметом рассмотрения настоящей статьи становится понимание Ф.И. Тютчевым проявлений судьбы и специфика бытования в лирике и эпистолярном наследии поэта знаков метафизического характера.

Ключевые слова: семантика, сакральный, мистический знак, знак-след, знак-клеймо, метафизика, трансцендентный.

В одном из писем супруге Эрнестине Федоровне Ф.И. Тютчев заметит: «Ничего не могу с собой поделаться, мне чудится в этих нелепых отсрочках рука судьбы...» [6, с. 285]. Речь идет о затянувшемся назначении Анны Тютчевой, дочери поэта, фрейлиной Двора и невозможности, вследствие этого, самому Тютчеву покинуть Петербург и приехать к жене в Овстуг. Ничего необычного и особо значимого в процитированных строках, вроде бы, нет. Однако, если обратиться к творческому и эпистолярному наследию поэта в совокупности, то вырисовывается целостная система тютчевского понимания проявлений судьбы, точнее ее знаков, к которым как автор, так и его лирический герой оказываются чрезвычайно внимательны. Их рассмотрению и посвящена настоящая статья, научные интересы авторов которой лежат в плоскости семиологии (семиотики). Наиболее фундаментально эта наука разработана в трудах представителей тартуско-московской семиотической школы [См.: 2-5, 7]. К сфере семиологии авторы настоящей статьи также относят изучение знаковых систем в произведениях художественной литературы.

О серьезности отношения Тютчева к знакам судьбы может свидетельствовать хотя бы следующая выдержка из его более позднего письма тому же адресату: «...я получил твое письмо <...> с потрясающей вестью о внезапной и жестокой смерти бедного С. Мещерского <...> Я вспомнил, что в последний раз видел его с женой на костюмированном балу <...>, где несколько минут просидел за одним столом с ними, и они, спокойно сидя рядом, и не предчувствовали, какая пропасть готовилась раскрыться между ними, и кто знает, великий боже, может быть, не они одни были также беззаботны за этим столом!..» [6, с. 313].

Примерно двумя десятилетиями ранее Тютчев в стихотворении «Mala agia» (1830) задастся вопросом:

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цветы и голоса –
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки... [6, с. 40].

Как видно, типология знаков судьбы достаточно широка: звуки, запахи, цветы, голоса. Но присутствует и сомнение: *как ведать, может быть*. Ко времени же смерти князя С.В. Мещерского (1856) все сомнения развеются. «Я подобен человеку, который заранее знает, какой род смерти ему предопределен, и вследствие этого всегда и во всем видит предвестников события, коего должен опасаться...» [6, с. 313]. Для большинства людей нет знаков-предвестников их будущего, а особенно – знаков беды. Иначе у Тютчева: он живет с мистическим предчувствием.

В данном случае являемые знаки метафизического толка не конкретизированы. И это далеко не единственный пример. Мистические знаки Тютчева потому и мистические, что зачастую их невозможно определить. Они даны поэту и его герою в ощущении.

Юбилей князя П.А. Вяземского... Описывая это событие в соответствующем стихотворении («На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского», 1861), Тютчев среди гостей празднества, почтивших именинника, упоминает также Жуковского, Пушкина и Карамзина:

Так верим мы, незримыми гостями
Теперь они, покинув горный мир,
Сочувственно витают между нами
И освящают этот пир... [6, с. 87].

Каких-либо конкретных знаков присутствия великих теней на юбилее патриарха русской поэзии золотого века нет. Лирический герой просто знает/ощущает это в условиях внешней абсолютной беззнаковости.

Типологически близкий пример встречается в стихотворении «Хоть я и свил гнездо в долине...» (1860). Часами созерцающему «недоступные громады» гор лирическому герою доподлинно известно, что по «их непорочным снегам» «проходит незаметно небесных ангелов нога». Знак-след ангела не заметен явно, но поэт и герой стихотворения обладают мистическим знанием его бесспорного существования.

Иногда знаки метафизической природы все же получают внешнее проявление и конкретизируются. Узнать их непосвященному практически невозможно, но Тютчеву они ведомы. Так, своим знанием он делится в ранней элегии «Проблеск» (1825). В роли мистического знака в ней выступает «воздушной арфы легкий звон», звучащий «в сумраке глубоком». Звон этот – знак не только и не столько ветра («дыханья Зефира»), в таком случае знак не носил бы мистического характера, сколько самой полуночи и, более того, чего-то небесного и, опять же, ангельского:

Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах! [6, с.20].

В «Проблеске» семантика знака также «прирастает» еще одним, для Тютчева чрезвычайно важным, аспектом. Услышав звон арфы, лирический герой «соприкасается мирам иным»:

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим... [6, с. 20].

Категории бессмертного и минувшего оказываются на одном делении тютчевской аксиологической шкалы. Культ прошлого в лирике поэта имеет очевидно сакральный характер, что, в свою очередь, ведет к сакрализации знаков, на это прошлое указывающих.

Еще один мистический знак минувшего – знак ландшафтный. В стихотворении 1853 года «Неман» река представлена поэтом как знак произошедшего на ее берегах в июне 1812 года события: перехода войск Наполеона через водную преграду и начала войны. Симптоматично, что противостояние Франции и России решается Тютчевым в плане метафизическом.

Ты помнишь ли бывшее, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,

Он сам – могучий южный демон... [6, с. 78].

Обе стороны персонифицированы в трансцендентные категории: демонического и божественного. Наполеону, «могучему южному демону», противостоит собирательный образ Другого («...на стороне противной // Стоял Другой – стоял и ждал...»), подразумевающий и конкретно Александра I, и весь русский народ. При этом столкновение сил трактуется как событие роковое, то есть сама война может рассматриваться как материально-земной знак мистического противоборства Бога и Дьявола.

В этом же стихотворении Тютчева присутствует и другой мистический знак. Он невидим простым глазом. Но поэт и его герой знают о нем. Это знак-печать, знак-клеймо, который ставит на солдатах Бонапарта сама божественная Десница:

И мимо проходила рать –
Все грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать... [6, с. 78].

Тютчев приводит мрачную статистику: «И в этом бесконечном строе // Едва ль десятое чело // Клеймо минуло роковое...». *Клеймо роковое* – мистический знак Возмездия, знак обреченности и гибели, отмечающий дерзнувшего с войной вступить на земли Третьего Рима.

В стихотворении «Александрю Второму» (1861) встречаются уже несколько иные "разновидности" знаков-печатей метафизического плана. Так главный день в царствовании Александра II – день отмены крепостного права, – по Тютчеву, *замечен* (отмечен) «*Великою Господней благодатью*». Знак здесь – идеально-нематериальная благодать; "Мастер", "заметивший" (заклеймивший) знаменательную дату – Сам Господь.

Любопытна также следующая тютчевская характеристика указанного дня в истории России:

Он рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье меньшую братью... [6, с. 88].

Речь идет об уничтожении другого "клейма" – рабского, также незримо искажающего облик крепостного. В сущности, можно говорить о замене знаков: печать раба, недостойная человека, *сдвинута* печатью-Господней благодатью, осеняющей не только конкретный день, но и самих освобожденных.

Сакрально-роковым клеймам и печатям, в известной мере, могут быть противопоставлены знаки в стихотворении «В деревне» (1869). В основе стихотворения – бытовая зарисовка на основе реальных наблюдений поэта в его родовом имении Овстуг: дворовый пес «размыкал, разогнал» стаю домашних уток и гусей и устроил тем самым «гвалт безумно-дикий». На первый взгляд, этот гвалт – знак испуга (птичьей стаи) и агрессии (собаки). Но, по сути, ни первое (испуг), ни второе (агрессия) не обосновано: гусям и уткам нечего бояться пса, и пес («самоуверенный нахал»), кидающийся на птиц, не сможет причинить им какого-либо вреда. Стало быть, глубинный смысл знака – глупость птиц и собаки? Или, того более, – абсурдность мироздания и бытия?

На самом деле, подлинная семантика рассматриваемого знака – противоположна. В данном случае можно вести речь о своего рода семантике-обороте. Истинный смысл «отчаянного крика и гама» – мудрость неба, Бога, или «благого Провиденья», устроившего эту внешне глуповатую ситуацию для высших целей: прекратить застой и дать толчок-импульс движению, прогрессу:

Да, тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой,
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой... [6, с. 108].

Ироничный окрас стихотворения очевиден. Излюбленное в поэтическом лексиконе Тютчева слово *роковой* в процитированных стихах звучит с явно шуточной интонацией. Да и само стихотворение просится быть включенным в раздел «Стихотворные шутки». Не исключен и сатирический подтекст произведения, связанный с кем-либо из одиозных «современных гениев» – политиков и публицистов:

Иной, ты скажешь, просто лает,
А он свершает высший долг –
Он, осмысляя, развивает
Утиный и гусиный толк. [6, с.108].

И, тем не менее, через иронично-бытовую канву стихотворения, пусть акварельно, проступает безусловно философское содержание, раскрывающее метафизический смысл внешне «бестолковых современных проявлений».

Наиболее ярким примером того, что повседневность исполнена для Тютчева мистическими проявлениями, пожалуй, может служить его отношение к окружающим людям, то есть понимание человеческой сущности. Получив в подарок от П.Я. Чаадаева его портрет, Тютчев горячо благодарит опального автора «Философических писем»: «Портрет очень хорош, очень похож, и притом это сходство такого рода, что делает великую честь уму художника...» [6, с. 245]. Оставляя в стороне какие-либо особенности портрета как идеографического знака, продолжим цитирование письма: «Это поразительное сходство навело меня на мысль, что есть такие типы людей, которые словно медали среди человечества: настолько они кажутся делом рук и вдохновения Великого Художника и настолько отличаются от обычных образцов ходячей монеты...» [6, с. 245].

Так или иначе, но Тютчев, по сути, выделяет два типа людей: люди-медали и люди-монеты. И те и другие означены Богом (Великим Художником). Но по-разному. На первых (типа Чаадаева) – Тютчеву виден знак «ручной» работы Творца, а стало быть, знак Его особенного внимания и расположения. Вторые, люди-монеты, – основная масса, отштампованы по единому образцу и, практически, лишены индивидуальности. «Навеянная мысль» поэта явно не безупречна с православной точки зрения, но ее религиозно-этическая составляющая не является предметом рассмотрения в данной работе.

Заметные искусственному глазу Тютчева, знаки степени божественного участия в каждом человеке типологически однородны роковым знакам-печатам и клеймам из «Немана» и «Александру Второму», о которых шла речь выше.

Нематериальные знаки на лицах современников раскрывают связь и отношения последних с миром идеальным.

Людам, в понимании Тютчева, вторит природа. В натурфилософской лирике («Весенняя гроза», «Проблеск» и др.) утверждается идея о мире природы как совокупности материальных знаков, выражающих идеальные сущности мира горнего [См.: 1].

Таким образом, относительная «малознаковость» тютчевской лирики лишь кажущаяся. Художественный мир поэта буквально насыщен знаками, в том числе и метафизического характера, что, в принципе, совершенно закономерно для романтика, одним из самых ярких представителей которых в русском философском романтизме и был Тютчев.

Список литературы:

1. Кудрявкин С.С. Природно-ландшафтные знаки в лирике Ф.И. Тютчева / С.С. Кудрявкин // Вестник Тамбовского университета. – 2011. – вып.7 (99). – С.160-165.
2. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 704 с.
3. Почепцов, Г.Г. Русская семиотика / Г.Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. – 768 с.
4. Почепцов, Г.Г. Семиотика / Г.Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук». - К.: «Ваклер», 2002. – 432 с.
5. Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академ. проект, 2001. – 702 с.
6. Тютчев, Ф.И. Собрание сочинений / Ф.И. Тютчев. – Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2003. – 592 с.
7. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 443 с.

UDC 882:378.147.34

**MYSTICAL SIGNS IN THE LYRICS
AND THE EPISTOLAR HERITAGE OF F.I. Tyutchev**

Sarkisov Alexander Isaakovich

Docent

Kudryavkin Sergey Serafimovich

Docent

Michurinsk State Agrarian University

Annotation. The subject of this article is the understanding of F.I. Tyutchev of the manifestations of fate and the specificity of being in the poet's lyrics and epistolary heritage of the poet of signs of a metaphysical nature.

Key words: semantics, sacred, mystical sign, trace sign, mark sign, metaphysics, transcendental.